

Юрий Трифонов

**Биография,
творчество**

Семья.

- Родился в Москве, в семье, богатой на революционные традиции. Отец: революционер, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР, мать: зоо-техник, инженер-экономист. С революцией были тесно связаны бабушка и дед писателя по материнской линии, а также его дядя (брат отца).

С отцом
и матерью

Отец – В.Трифонов

Детство

- Детство Юры было более-менее безоблачным, но в 1937 г. отец Трифонова был арестован (расстрелян в 1938 г., реабилитирован в 1955), а в 1938 г. арестована мать. Трифонов с сестрой остались на попечении бабушки.

Война. Учёба. Работа

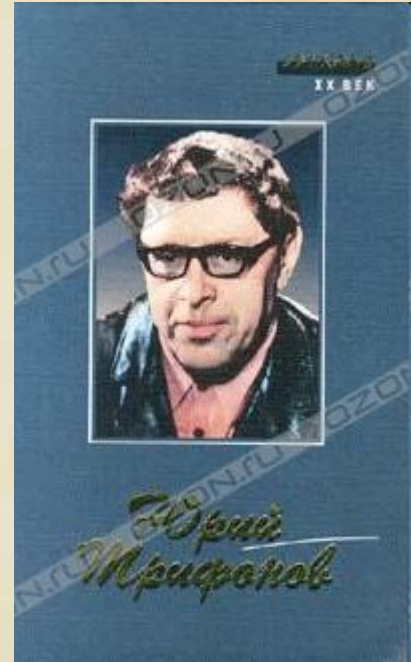
- В начале войны семью эвакуируют в Ташкент, где Трифонов заканчивает среднюю школу.
- В 1943 г. возвращается в Москву, работает на авиационном заводе слесарем, диспетчером цеха, редактором заводской многотиражки.

В 1944 г. поступает на заочное Отделение Литературного института им. Горького. На очное отделение переводится в 1947, отработав необходимый стаж на заводе (как член семьи врага народа).

- В 1949 г. заканчивает литинститут, защитив в качестве дипломной работы повесть "Студенты". Повесть получает Сталинскую премию (1951), а Ю. Трифонов неожиданно становится известным.

- 50-е, 60-е года становятся временем творческого поиска. В это время писатель публикует ряд рассказов и повесть «Утоление жажды».
- В 1969 г. с повести "Обмен" начинается цикл "московских" или "городских" повестей, в который также входят «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной». Произведения 1969-1981 годов стали главными в творческом наследии писателя.

- В 1981 г. у Трифонова обнаруживают рак почки, и 28 марта 1981 г. он умирает от послеоперационных осложнений (эмболия).

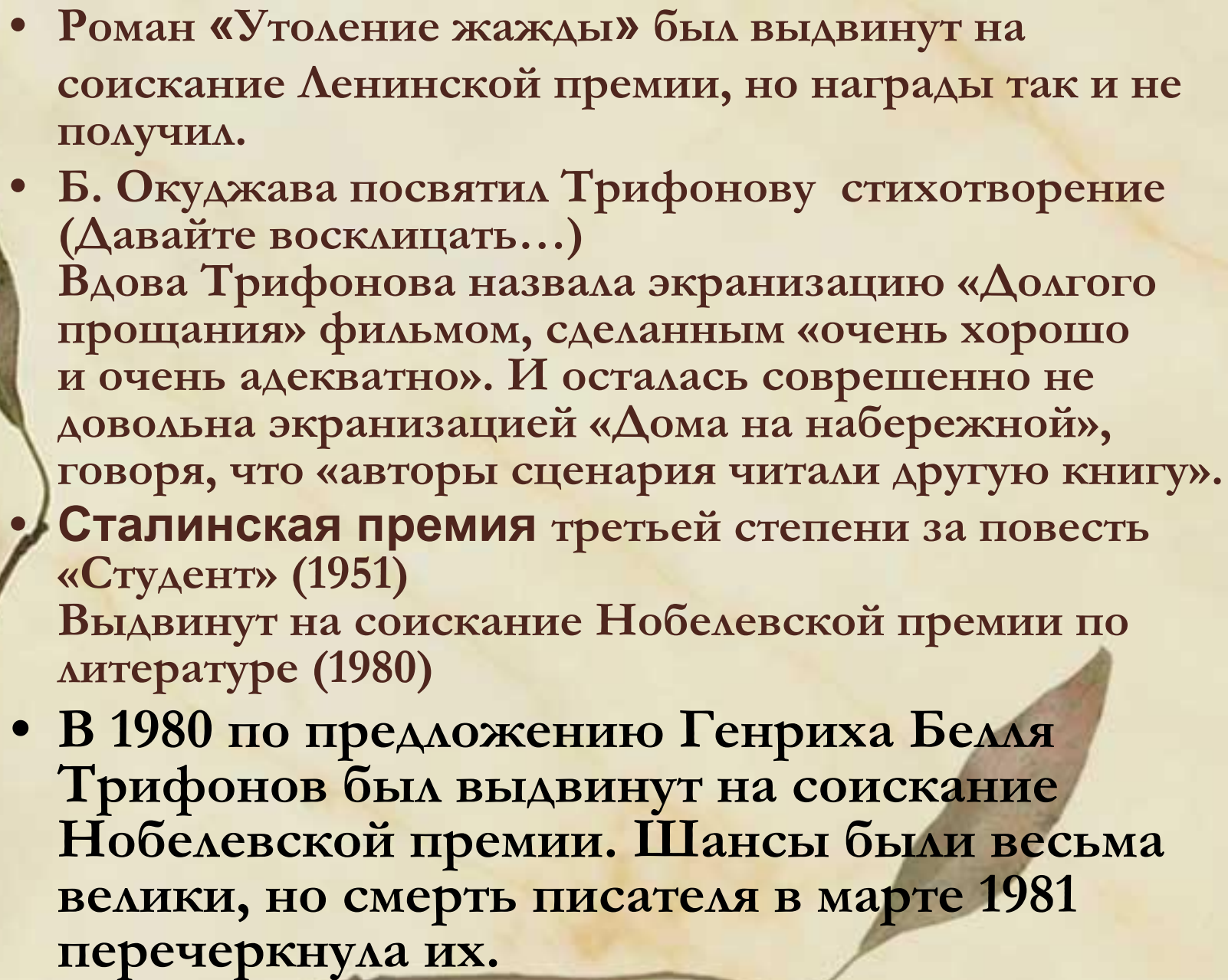
Интересные факты из жизни

- В 1932–1938 годах семья Трифоновых проживала в знаменитом Доме Правительства по адресу улица Серафимовича, д. 2. Дом предназначался для семей партийной элиты и впоследствии стал известен (благодаря повести Трифонова) как «Дом на набережной». Сейчас в доме находится музей, директором которого является вдова Ю. Трифонова, Ольга Трифонова.

Вдова писателя

-
- Роман «Утоление жажды» был выдвинут на соискание Ленинской премии, но награды так и не получил.
 - Б. Окуджава посвятил Трифонову стихотворение (Давайте восклицать...)
Вдова Трифонова назвала экранизацию «Долгого прощания» фильмом, сделанным «очень хорошо и очень адекватно». И осталась совершенно не довольна экранизацией «Дома на набережной», говоря, что «авторы сценария читали другую книгу».
 - **Сталинская премия** третьей степени за повесть «Студент» (1951)
Выдвинут на соискание Нобелевской премии по литературе (1980)
 - В 1980 по предложению Генриха Белля Трифонов был выдвинут на соискание Нобелевской премии. Шансы были весьма велики, но смерть писателя в марте 1981 перечеркнула их.

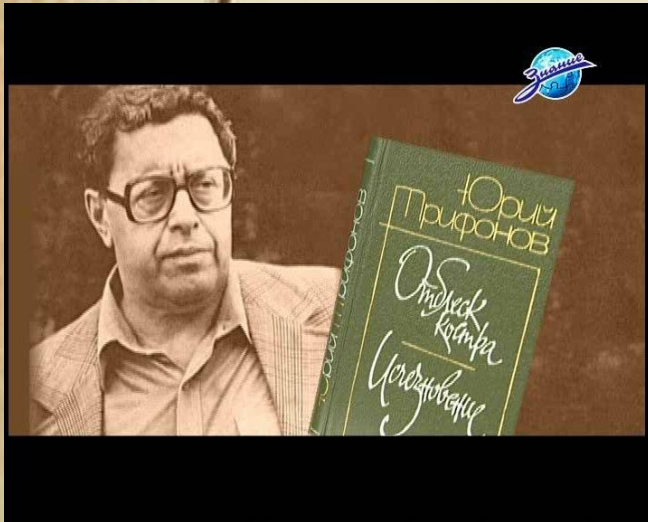
Романы и повести

•
«Студенты» (1950), «Утоление жажды»,
«Отблеск костра», «Нетерпение»,
«Старик»,
«Время и место» (опубл. после смерти),
«Исчезновение»

«Московские повести»
«Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание»,
«Другая жизнь», «Дом на набережной».

Сборники рассказов и очерков
«Под солнцем», «Игры в сумерках»,
«Опрокинутый дом».

-
- Экранизации произведений, театральные постановки

Экранизации

- «Утоление жажды» (1966, реж. Булат Мансуров, сценарий Ю. Трифонова)
- «Долгое прощание» (2004, реж. Сергей Урсуляк)
- «Дом на набережной» (2007, многосерийный, реж. Аркадий Кордон)

Фильмы по сценариям Ю. Трифонова
«Хоккеисты» (1965, реж. Рафаил Гольдин), «О чем не узнают трибуны» (1976, реж. Яков Базелян)

«Хоккеисты»

- Тридцатилетний капитан хоккейной команды Дуганов, знаменитый и опытный игрок, решает бороться за спортивное долголетие таких "стариков", как он. Остро переживая ссору с любимой девушкой, Дуганов добивается участия в решающем финальном матче между двумя сильнейшими командами — и добивается победы.

«Долгое прощание»

- Ляля - молодая красивая актриса - очень любит своего мужа Гришу - непутевого, неустроенного, несостоявшегося писателя. А Лялю любит взрослый, успешный, сильный мужик - прославленный драматург Смолянов. Чего больше в отношениях Ляли к нему - любви или благодарности за налаженную жизнь, решенные проблемы и уверенность в завтрашнем дне? Попытка соединить несоединимое, жить двумя жизнями одновременно, кончается крахом для всех участников этого треугольника, все углы которого болезненно-острые.

«Дом на набережной» (1976)

- Повесть стала одним из наиболее резонансных произведений 70-х гг.

Ю. Трифонов изображает судьбу **Вадима Глебова**, известного критика и эссеиста, который пользуется Всеми теми благами, которые предоставляла советская власть лояльной к ней творческой интеллигенции. Автор раскрывает моральную позицию своего героя, анализирует мотивы его поступков, в частности тех, что начали его успешную карьеру.

История Глебова возникает в произведении как попытка психологического самооправдания предательства ради материального и душевного комфорта, предательства, жертвами которого становятся близкие Глебову люди и прежде всего его научный руководитель, профессор **Ганчук**: на его защиту Глебов не решился выступить в годы сталинских репрессий.

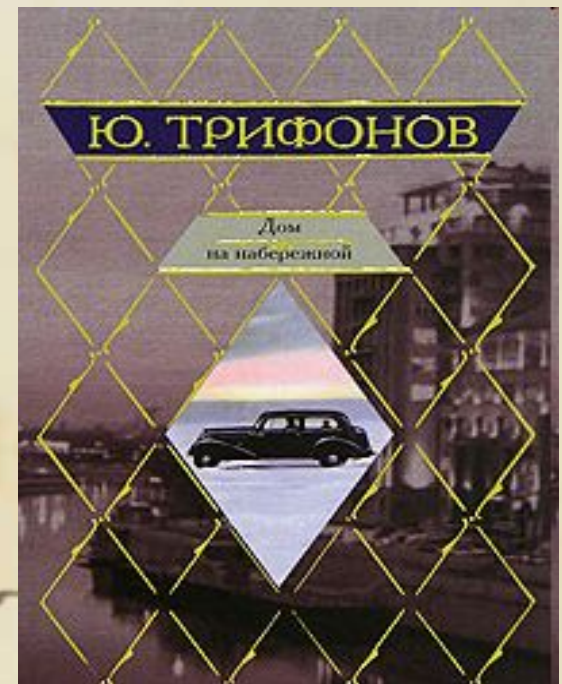

Повесть направлена против попыток оправдать свою моральную слабость и шаткость жестокостью времени, желанием перевести на других моральную ответственность за собственные поступки.

- По мотивам повести в московском Театре на Таганке
- Ю. Любимов поставил спектакль «Дом на набережной».

Тот самый дом

«Старик»

- Во всех «московских повестях» также чувствуется авторский взгляд на повседневность под углом истории. Наиболее ярко он выражен в романе «Старик» (1978), тематически примыкающем к «московскому циклу».
- На примере семьи старого революционера Летунова, на склоне лет размышляющего о своем участии в кровавом рассказывании и одновременно о жизненной неустроенности своих детей, Трифонов показал тесное переплетение прошлого и будущего. «Жизнь – такая система, где все загадочным образом и по какому-то высшему плану закольцовано, ничто не существует отдельно», «человек есть нить», протянувшаяся из прошлого в будущее, и по этой нити можно изучать нравственную жизнь общества.

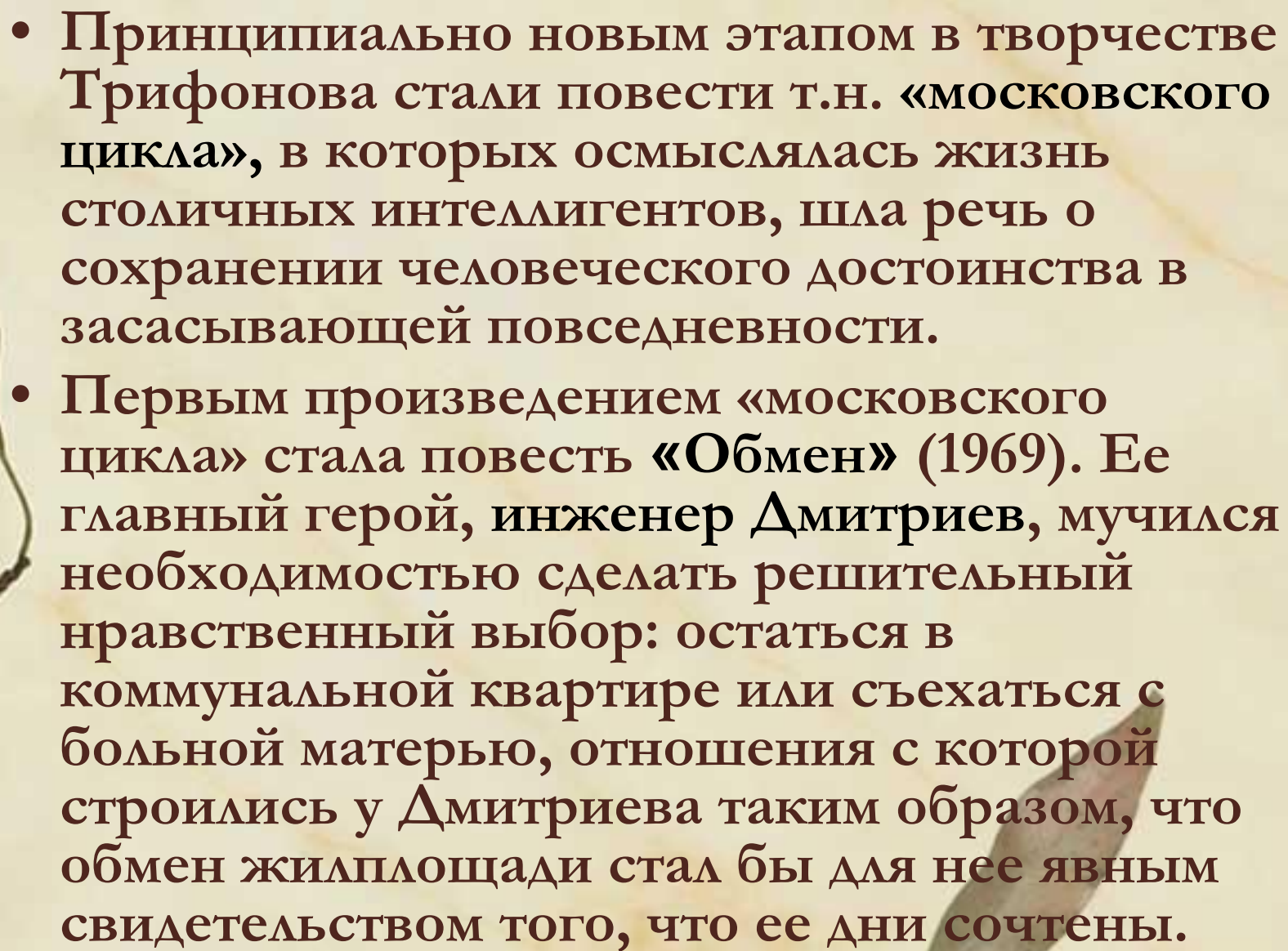
ЮРИЙ ТРИФОНОВ

СТАРИК

«Обмен»

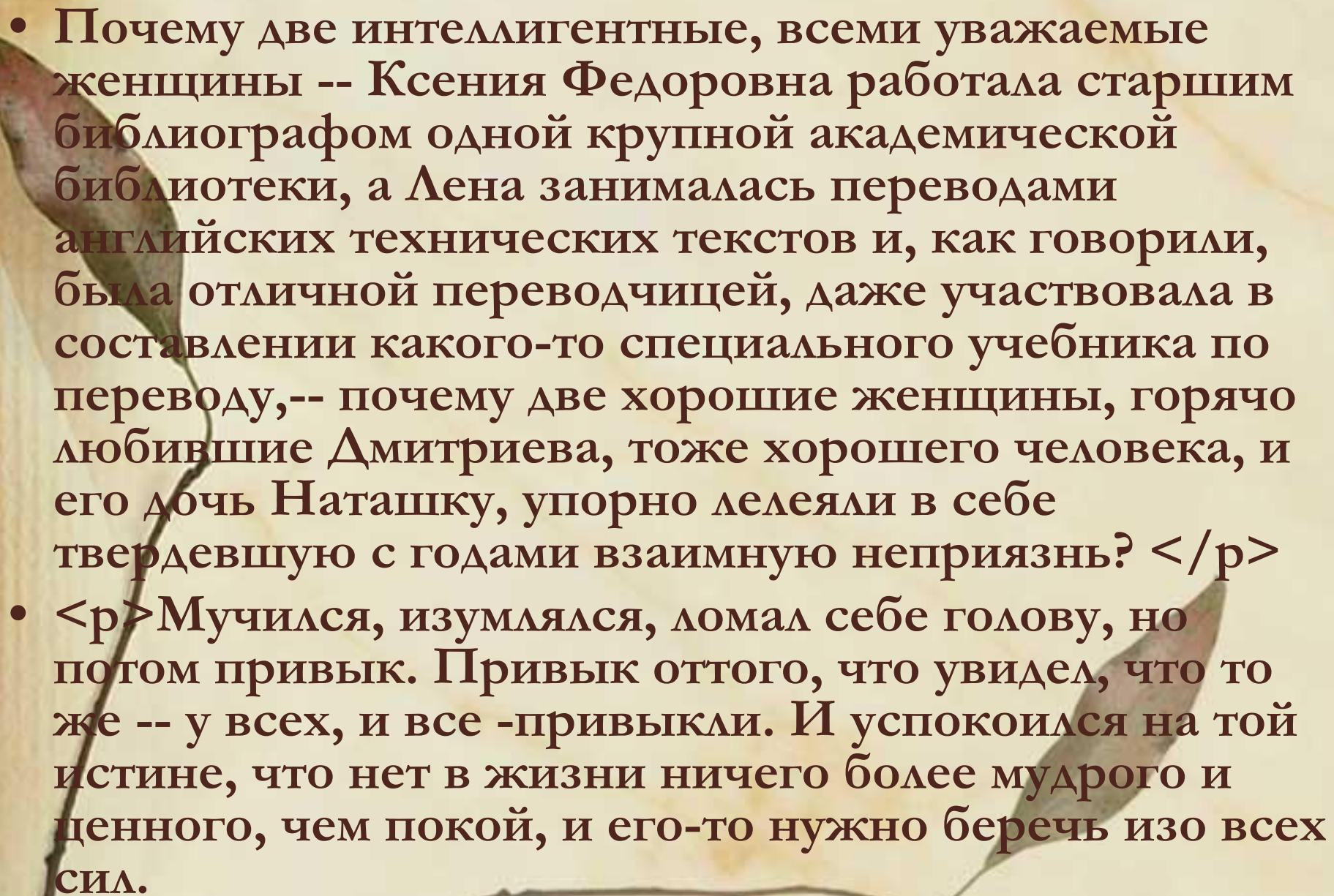

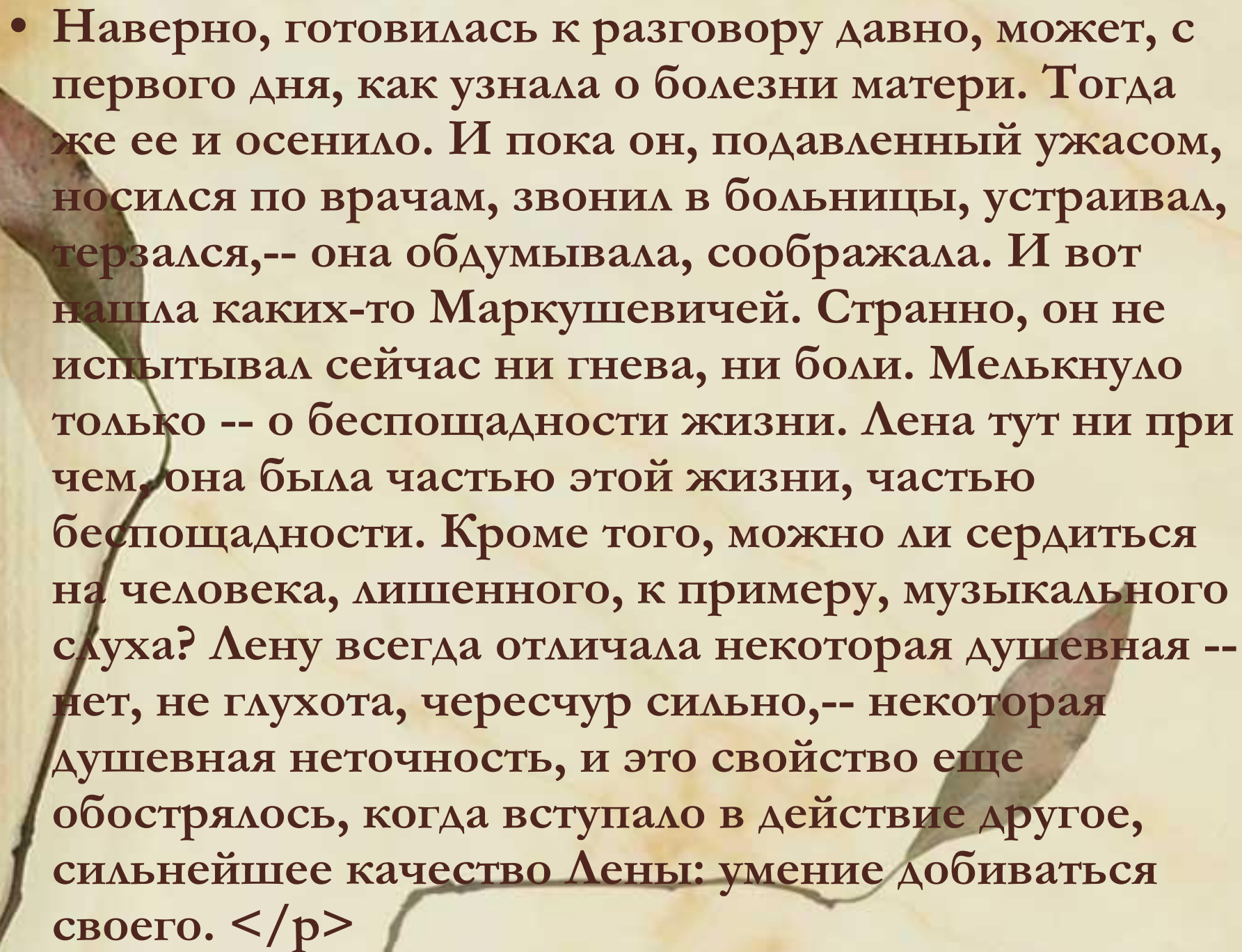
- Роман Трифонова «Утоление жажды» (1963) и его отличные рассказы середины 1960-х — всё это было принято читателями и критиками весьма благожелательно. Но вот вышел «Обмен», и Трифонов второй раз в своей жизни проснулся знаменитым.

-
- A dried leaf and stem are positioned on the left side of the page, extending vertically and then horizontally across the bottom. The leaf is dark brown and elongated, while the stem is thin and dark. The background is a light, textured surface, possibly paper or parchment.
- Принципиально новым этапом в творчестве Трифонова стали повести т.н. «московского цикла», в которых осмыслялась жизнь столичных интеллигентов, шла речь о сохранении человеческого достоинства в засасывающей повседневности.
 - Первым произведением «московского цикла» стала повесть «Обмен» (1969). Ее главный герой, инженер Дмитриев, мучился необходимостью сделать решительный нравственный выбор: остаться в коммунальной квартире или съехать с больной матерью, отношения с которой строились у Дмитриева таким образом, что обмен жилплощади стал бы для нее явным свидетельством того, что ее дни сочтены.

Текст

- В июле мать Дмитриева Ксения Федоровна тяжело заболела, и ее отвезли в Боткинскую, где она пролежала двенадцать дней с подозрением на самое худшее. В сентябре сделали операцию, худшее подтвердилось, но Ксения Федоровна, считавшая, что у нее язвенная болезнь, почувствовала улучшение, стала вскоре ходить, и в октябре ее отправили домой, пополнившую и твердо уверенную в том, что дело идет на поправку. Вот именно тогда, когда Ксения Федоровна вернулась из больницы, жена Дмитриева затеяла обмен: решила срочно съезжаться со свекровью, жившей одиноко в хорошей, двадцатиметровой комнате на Профсоюзной улице. </p>

-
- Почему две интеллигентные, всеми уважаемые женщины -- Ксения Федоровна работала старшим библиографом одной крупной академической библиотеки, а Лена занималась переводами английских технических текстов и, как говорили, была отличной переводчицей, даже участвовала в составлении какого-то специального учебника по переводу, -- почему две хорошие женщины, горячо любившие Дмитриева, тоже хорошего человека, и его дочь Наташку, упорно лелеяли в себе твердевшую с годами взаимную неприязнь? </p>
 - <p>Мучился, изумлялся, ломал себе голову, но потом привык. Привык оттого, что увидел, что то же -- у всех, и все -привыкли. И успокоился на той истине, что нет в жизни ничего более мудрого и ценного, чем покой, и его-то нужно беречь изо всех сил.

-
- Наверно, готовилась к разговору давно, может, с первого дня, как узнала о болезни матери. Тогда же ее и осенило. И пока он, подавленный ужасом, носился по врачам, звонил в больницы, устраивал, терзался,-- она обдумывала, соображала. И вот нашла каких-то Маркушевичей. Странно, он не испытывал сейчас ни гнева, ни боли. Мелькнуло только -- о беспощадности жизни. Лена тут ни при чем, она была частью этой жизни, частью беспощадности. Кроме того, можно ли сердиться на человека, лишенного, к примеру, музыкального слуха? Лену всегда отличала некоторая душевная -- нет, не глухота, чересчур сильно,-- некоторая душевная неточность, и это свойство еще обострялось, когда вступало в действие другое, сильнейшее качество Лены: умение добиваться своего. </p>

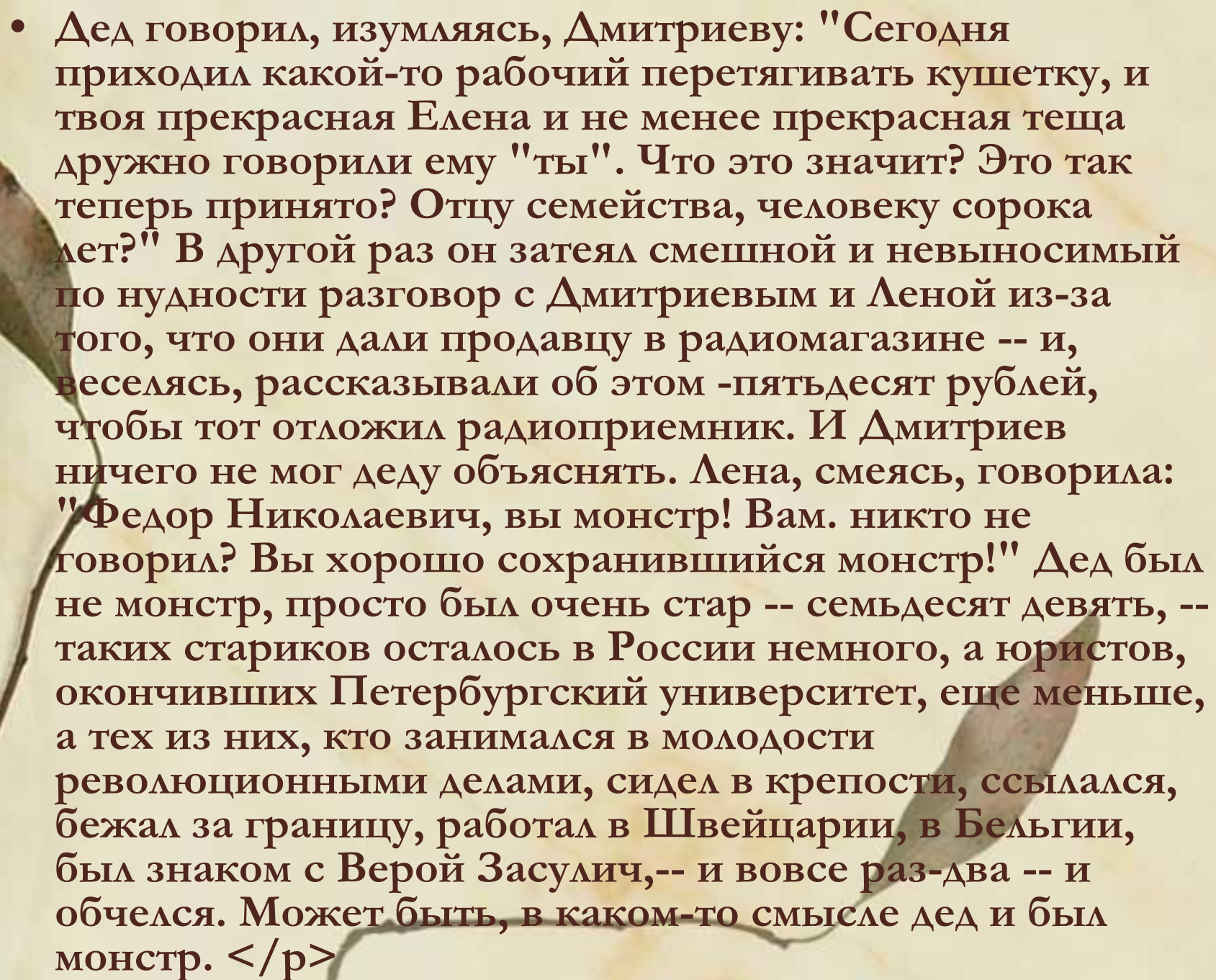
-
- >-- Ты не должна была сейчас начинать! -- повторил он угрюмо. </p>
 - <p>-- Ну, хорошо, ну, извини меня. Но я же забочусь не о себе, правда же... -- Замолчи! -- почти крикнул он шепотом. </p>
 - - Ты меня как будто обвиняешь в бестактности, но, честное слово, Витя, я действительно думала обо всех нас... О будущем Наташки... -- Да как ты можешь! - Что? </p>
 - <p>-- Как ты можешь вообще говорить об этом сейчас? Как у тебя язык поворачивается? Вот что меня изумляет.-- Он чувствовал, что раздражение растет и рвется на волю.-- Ей-богу, в тебе есть какой-то душевный дефект. Какая-то недоразвитость чувств. Что-то, прости меня, недочеловеческое. Как же можно? Дело-то в том, что больна моя мать, а не твоя, правда ведь? И на твоём бы месте... -- Говори тише. </p>
 - <p>-- На твоём бы месте я никогда первый... -- Тихо! -- Она махнула рукой. </p>

-
- Тяжело будет говорить. Невозможно тяжело. И с Лорой тоже. Может быть, с Лорой даже тяжелей, чем с матерью. Что же делать? Они все, конечно, поймут. Впрочем, мать может и не понять -- если представить дело именно так, как предлагает Лена, мать же очень простодушна,-- но Лора-то поймет сразу, Лора хитра, прозорлива и очень не любит Лену. Если мать при всем неприятии Лены все же с нею смирилась, научилась чего-то не замечать, что-то прощать, то Лора с годами твердеет в неприязни -- из-за матери. Она сказала однажды: "Не знаю, каким надо быть человеком, чтобы относиться к нашей матери без уважения".

-
- Всем мать старается помогать совершенно бескорыстно. Хотя где там -- помогать! Связи давно порастеряны, и сил нет. Но все-таки -- кровом, советом, сочувствием. Очень любит помогать бескорыстно. Пожалуй, точнее так: любит помогать таким образом, чтобы, не дай бог, не вышло никакой корысти. Но а этом-то и была корысть: делая добрые дела, все время сознавать себя хорошим человеком. И Лена, учув маленькую слабость матери, в минуты раздражения говорила про нее Дмитриеву: ханжа. А он приходил в ярость. Орал: "Кто ханжа? Моя мать ханжа? И ты посмела сказать..." И -- начиналось, катилось... Ни мать, ни Лора не знали, как он буйствует из-за них. Кое о чем они, конечно, догадывались и кое-чему бывали свидетелями, но в полной мере -- со всем набором оскорблений, с плачем Наташки, неразговором в течение нескольких дней, а порой даже легким рукоприкладством -- это было им неизвестно. Они считали, особенно твердо считала Лора, что он их тихонько предал. Сестра сказала как-то: "Витька, как же ты олукаялся!" Лукьяновы - фамилия родителей Лены. </p>

-
- Ну что ж, не так плохо породниться с людьми другой породы. Впрыснуть свежую кровь. Попользоваться чужим умением. Не умеющие жить при долгом совместном житье-бытье начинают немного тяготить друг друга -как раз этим своим благородным неумением, которым втайне гордятся.
 - <p>Разве могли бы Дмитриев, или Ксения Федоровна, или кто-нибудь другой из дмитриевской родни организовать и повернуть так лихо ремонт дачи, как это сделал Иван Васильевич? Он и денег одолжил подо всю эту музыку. Дмитриев и Лена уехали в первое свое лето на tor. Когда вернулись в августе, старые комнатки было не узнать -- полы блестели, рамы и двери сверкали белизной, обои во всех комнатах были дорогие, с давленным рисунком, в одной комнате зеленые, в другой синие, в третьей красновато-коричневые.

- Ему нравилась легкость, с которой она заводила знакомства и сходилась с людьми. Это было как раз то, чего не хватало ему. Особенно замечательно ей удавались нужные знакомства. Едва поселившись в Павлинове, она уже знала всех соседей, начальника милиции, сторожей на лодочной станции, была на "ты" с молодой директоршей санатория, и та разрешала Лене брать обеды в санаторской столовой, что считалось в Павлинове верхом комфорта и удачей, почти недостижимой для простых смертных. А как она отчесала Нижнюю Дусю, жившую в полуподвале, когда та с обычной наглостью явилась требовать, чтобы очистили их собственный, дмитриевский, сарай, которым, правда, Нижняя Дуся пользовалась самостоятельно последние десять лет! Нижняя Дуся так и слетела с крыльца, как будто ее ветром сшибло.
- Дмитриев восхищался, шептал матери: "Ну, как? Это не то что мы с тобой, мямли?" Но все его тайные восторги скоро сами собой отпали, потому что он уже знал, что нет и не может быть женщины красивее, умнее и энергичнее Лены. Поэтому -- чего же восхищаться?
- Все было естественно, в порядке вещей. Ни у кого не было такой мягкой кожи, как у Лены. Никто не умел так увлекательно читать романы Агаты Кристи, тут же переводя с английского на русский. Никто не умел любить его так, как Лена. А сам Дмитриев -- тот далекий, худой, с нелепым кудрявым чубом -- жил оглушенный и одурманенный, как бывает в жару, когда человек плохо соображает, не хочет ни есть, ни пить и только дремлет, валяется в полусне на кровати в комнате с занавешенными окнами. </p>

-
- Дед говорил, изумляясь, Дмитриеву: "Сегодня приходил какой-то рабочий перетягивать кушетку, и твоя прекрасная Елена и не менее прекрасная теща дружно говорили ему "ты". Что это значит? Это так теперь принято? Отцу семейства, человеку сорока лет?" В другой раз он затеял смешной и невыносимый по нудности разговор с Дмитриевым и Леной из-за того, что они дали продавцу в радиомагазине -- и, веселясь, рассказывали об этом -пятьдесят рублей, чтобы тот отложил радиоприемник. И Дмитриев ничего не мог деду объяснить. Лена, смеясь, говорила: "Федор Николаевич, вы монстр! Вам. никто не говорил? Вы хорошо сохранившийся монстр!" Дед был не монстр, просто был очень стар -- семьдесят девять, -- таких стариков осталось в России немного, а юристов, окончивших Петербургский университет, еще меньше, а тех из них, кто занимался в молодости революционными делами, сидел в крепости, ссылался, бежал за границу, работал в Швейцарии, в Бельгии, был знаком с Верой Засулич,-- и вовсе раз-два -- и обчелся. Может быть, в каком-то смысле дед и был монстр. </p>

- Английская спецшкола в Утином переулке, предмет вожделения, зависти, мерило родительской любви и расшибаемости в лепешку. Другой микрорайон, почти немыслимо. И никому, кроме Лены, было бы не под силу. Ибо она вгрызалась в свои желания, как бульдог. Такая миловидная женщина-бульдог с короткой стрижкой соломенного цвета и всегда приятно загорелым, слегка смуглым лицом. Она не отпускала до тех пор, пока желания -- прямо у нее в зубах -- не превращались в плоть. Великое свойство! Прекрасное, изумительное, решающее для жизни. Свойство настоящих мужчин.
- Другим желанием Лены, которое ее занимало в течение нескольких лет, было -- устроиться в ИМКОИН. О, ИМКОИН, ИМКОИН, недостижимый, заоблачный, как Джомолунгма! Разговоры об ИМКОИНЕ, телефонные звонки насчет ИМКОИНА, слезливое отчаянье, вспышки надежды. </p>
- <p>"Папа, ты разговаривал с Григорием Григорьевичем по поводу ИМКОИНА?" -- "Леночка, тебе звонили из ИМКОИНА!" - "Откуда?" "Из ИМКОИНА!" - "О боже мой, из отдела кадров или просто Зойка?"</p> Две идеально устроенные в этой жизни приятельницы работали в ИМКОИНЕ -- Институте международной координированной информации. Наконец удалось. ИМКОИН стал плотью и хрустел на зубах как хорошо прожаренное куриное крылышко. Удобно, сдельно, прекрасно расположено-- в минуте ходьбы от ГУМ а,-- а прямой начальницей была одна из приятельниц, с которой вместе учились в институте. Приятельница давала переводить столько, сколько Лена просила. Потом-то они поссорились, но года три все было "о'кей".

-
- Дмитриев сказал, что можно, конечно, попробовать обменять две комнаты на двухкомнатную квартиру-- то, что он пытался сделать когда-то,-чтоб жить вместе с мамой, но это целая история. Не так-то просто. Хотя сейчас такая возможность есть.
</p>
 - <p>Не хотелось это говорить, но как-то удобно и кстати сказало само. Лора поглядела на Дмитриева слегка удивленно. Потом спросила: -- Это идея Лены, что ли? -- Нет, моя. Старая моя идея.
</p>
 - <p>-- Только не сообщай эту свою идею Феликсу, хорошо? -сказала Лора.-- Потому что он ухватится. А маме это совершенно не нужно. Когда она в таком состоянии, еще испытывать что-то... Я же знаю: сначала все будет мило, благородно, а потом начнется раздражение. Нет, это ужасная идея. Какой-то кошмар. Бр-р, я себе представила! -- И Лора передернула плечами с выражением мгновенного страха и отвращения.-- Нет уж, я буду с мамой, никуда не поеду, а Феликс как-нибудь обойдется. </p>

-
- Я, между прочим, часто удивлялась: почему вы не постройте себе кооперативную квартиру? Не так уж дорого. Родственники помогут. Они же так любят внучку...—
 - Я говорю: почему бы Виктору и Лене не построить кооперативную квартиру? Маленькую, в две комнаты. Верно? </p><p>-- Не нужно нам никакой квартиры,-- сказал Дмитриев задышающим голосом.-- Не нужно, понятно тебе? Во всяком случае мне не нужно. Мне, мне! Ни черта мне не нужно, абсолютно ни черта. Кроме того, чтобы нашей матери было хорошо. Она же хотела жить со мной всегда, ты это знаешь, и если сейчас это может ей помочь... </p>

-
- Он улучил минуту, когда Ксения Федоровна была одна, и сказал: </p>
 - <p>-- Есть еще такой вариант: можно обменяться, поселиться с тобой в одной квартире -- тогда Лора будет независима... </p>
 - <p>-- Обменяться с тобой? -- Нет, не со мной, а с кем-то, чтобы жить со мной. </p>
 - <p>-- Ах, так? Ну, конечно, понимаю. Я очень хотела Жить с тобой и с Наташенькой...-- Ксения Федоровны помолчала.-- А сейчас -- нет. </p>
 - <p>-- Почему? </p>
 - <p>-- Не знаю. Давно уже нет такого желания. Он молчал, ошеломленный. </p>
 - <p>Ксения Федоровна смотрела на него спокойно, закрыла глаза. Было похоже, что она засыпает. Потом сказала: </p>
 - <p>-- Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел...-- Вновь наступило молчание. С закрытыми глазами она шептала невнятицу: -- Это было очень давно. И бывает всегда, каждый день, так что ты не удивляйся, Витя. И не сердись. Просто так незаметно... </p>

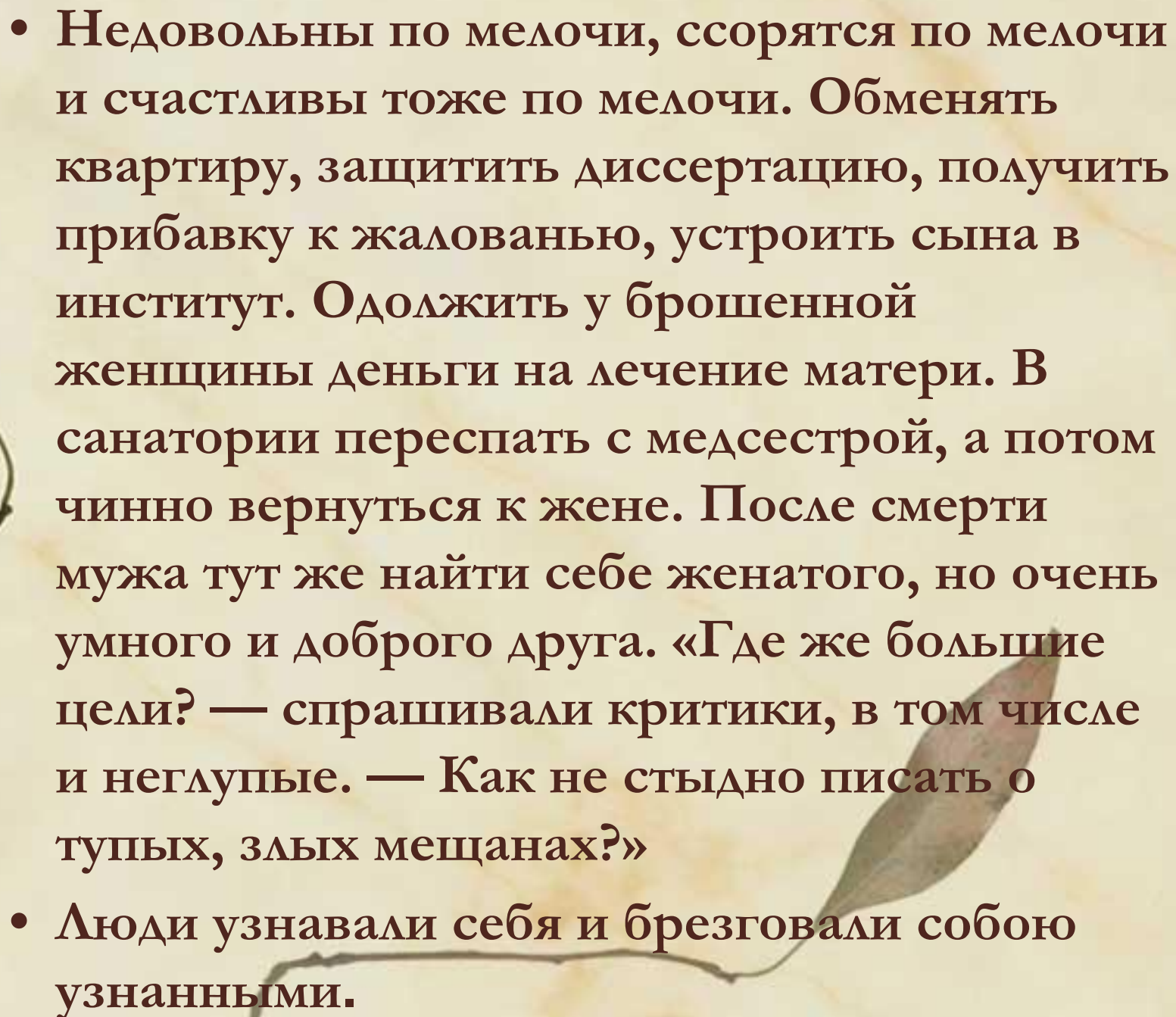
-
- Ксения Федоровна позвонила через два дня Дмитриеву на работу и сказала, что согласна съезжаться, только просила, чтоб побыстрее. Ксения Федоровна была не так уж плоха. Устроили даже новоселье, пришли родственники. В конце июля Ксении Федоровне сделалось резко хуже и ее отвезли в ту же больницу, где она была почти год назад.
 - После смерти Ксении Федоровны у Дмитриева сделался гипертонический криз, и он пролежал три недели дома в строгом постельном режиме.
 - Что я мог сказать Дмитриеву, когда мы встретились с ним однажды у общих знакомых, и он мне все это рассказал? Выглядел он неважно. Он как-то сразу сдал, посерел. Еще не старик, но уже пожилой, с обмякшими щечками дяденька.

- В финале повести Дмитриев выбирал улучшение жилищных условий, подтверждая слова его матери о том, что он давно уже совершил обмен на житейские удобства всего лучшего, что было в его душе.

Критика

- «Обмен» сразу сделал Трифонова советским писателем номер один. Об этом говорили восторг и ярость, с которыми читатели и критики набросились на эту маленькую повесть (а также на следующие вещи Трифонова, до «Другой жизни» включительно). Ругали и хвалили Трифонова за одно и то же — за быт. За то, что его герои живут мелкой и до обидного приземлённой жизнью.

-
- Недовольны по мелочи, ссорятся по мелочи и счастливы тоже по мелочи. Обменять квартиру, защитить диссертацию, получить прибавку к жалованью, устроить сына в институт. Одолжить у брошенной женщины деньги на лечение матери. В санатории переспать с медсестрой, а потом чинно вернуться к жене. После смерти мужа тут же найти себе женатого, но очень умного и доброго друга. «Где же большие цели? — спрашивали критики, в том числе и неглупые. — Как не стыдно писать о тупых, злых мещанах?»
 - Люди узнавали себя и брезговали собою узнанными.

-
- Трифонов с добродушной серьёзностью объяснял, что слово «мещане» ничего плохого в себе изначально не содержит, оно означает «горожане». И никаких «мещан в плохом смысле слова», то есть людей тупых и злых, в его повестях нет. «Но ведь и в самом деле, — писал Трифонов в каком-то интервью, — отрицательная Лена из «Обмена» вовсе не отрицательная. Не изменяет мужу, не предаёт друзей, не обвешивает покупателей. Она любит мужа и дочь, заботится о семье, её ценят на работе, она даже соавтор учебника!» (цитирую по памяти, но близко к тексту). Конечно, Трифонов посмеивался над своими критиками. Ему важно было не кто человек снаружи, а что он такое внутри, в душе.